

ПРОЛОГ

Старший прапорщик Казбек Дудашев находился в расположении подразделения, когда дежурный по роте вызвал его к телефону и доложил:

— Командир вызывает вас!

Старшина роты взял трубку:

— Старший прапорщик Дудашев слушает, товарищ капитан!

— Казбек! Я нахожусь на внешнем КПП, ты мог бы подойти сюда?

— Что-то случилось?

— Гости к тебе пожаловали!

— Гости? Ко мне? Интересно! Вы там поосторожнее, товарищ капитан, я никого не ждал.

— Давай быстрее, а ситуация под контролем, не волнуйся!

Капитан Бережной положил трубку внутренней связи, приказал сержанту из помещения не выходить и взять под прицел автомата появившихся людей, контролируя подходы со стороны дороги. Сам же вышел на улицу.

— Сейчас Казбек придет!

— Ай, спасибо! Наконец-то!

Приехавшие чеченцы заговорили на своем, непонятном ему языке, явно выражая радость. Их выдавшая виды «пятерка» стояла рядом, на обочине, и в ней никого не было. Как никого не наблюдалось и в секторе ответственности внешнего контрольно-пропускного пункта.

Дудашеву потребовалось чуть больше двадцати минут, чтобы пройти от части до КПП. Подойдя к шлагбауму и взглянув на гостей, он успокоил командира роты:

— Все нормально, товарищ капитан, я знаю этих людей.

Он вышел за шлагбаум, где кавказцы по традиции обнялись. Между ними начался разговор, содержание которого неплохо и полезно было бы узнать капитану Бережному, но он вместе с нарядом отошел к помещению, дабы не мешать давним друзьям.

— Узнал, Казбек?

— Как же не узнать вас, Зака и Эльдар?

— Узнал, дорогой, знал бы ты, скольких трудов нам стоило, чтобы найти тебя. В дом не приглашаешь? — разговор вел Зака. Старший из двух прибывших «гостей».

Дудашев объяснил:

— Ночью гарнизон закрыт. Утром — пожалуйста!

— Утром мы уже будем далеко от этих мест. Да и какой у тебя, Казбек, может быть дом? Так, конура служебная. Все гяурам, значит, служишь?

— Я не понял?

— А чего не понимать? Твои братья по вере бьются во славу Аллаха, а ты проданся неверным. Нехорошо, Казбек, против своих идти!

— Слушай, Зака! Или вы сейчас же свалите отсюда, или до заката солнца завтрашнего дня вас похоронят.

— Ты погоди нас хоронить-то, Казбек! Мы не ругаться сюда приехали.

Казбек перебил Заку:

— Вам вообще не следовало здесь появляться!

— Грек посчитал иначе!

Дудашев переспросил:

— Грек? Эта кровавая собака?

— Казбек, выбирай выражения! Дойдут твои слова до Грека, и тебе, как барану, голову отрежут, даже ваши солдаты не помогут.

— Плевать я хотел и на Грека, и на всех, кто с ним рядом!

Эльдар укоризненно зацокал языком:

— Зря ты так. Тебе сейчас с ним вежливым и услужливым быть надо.

— С чего бы это?

— А ты поговори с ним сам. Мы люди маленькие, нам сказали найти тебя, мы нашли. Говори с хозяином.

Тот, кого звали Эльдар, набрал номер сотового телефона:

— Грек? Эльдар. Мы нашли Казбека Дудашева.

— Хорошо, он рядом?

— Да!

— Посторонние разговора не слышат?

— Нет!

— Дайте ему трубку!

Эльдар выполнил приказание своего грозного хозяина.

— Салам, Казбек!

— Привет!

— Я смотрю, совсем обычаи своего народа забываешь? Приветствуешь не по-нашему? Нехорошо!

— Чего тебе надо?

— Чтобы ты сделал одно дело!

— Почему ты решил, что я что-то буду для тебя делать?

— Ты хотел жениться, Казбек?

Холодный пот покрыл тело прапорщика. Он понял, что случилось непоправимое. Но сдержался.

— Тебе какое дело?

— Как какое? Твоя невеста, Дарья, у меня. И не одна. Она, оказывается, еще и беременна.

— Только тронь ее, — прошипел Казбек, — и я, клянусь всем святым, найду тебя!

— Ты мне угрожаешь, Казбек? Кто ты есть, чтобы угрожать мне, Греку? Клоп, блоха. Слушай сюда внимательно. И делай, что я тебе скажу, тогда получишь и свою Дашу, и деньги, и документы, чтобы скрыться.

В обратном случае, я лично своими руками вытащу из чрева твоей шлюхи плод и кину его своим собакам, а жену твою заставлю забить камнями, если, конечно, она не сдохнет после того, как выворочу наизнанку ей матку. Ты понял меня, скотина?

Казбек знал кровавого Грека, и ему пришлось промолчать, хотя все тело его тряслось от ярости. Если тот угрожает, значит, выполнит угрозу, даже если самому за это придется сдохнуть лютой смертью.

— Говори, что тебе надо конкретно?

— Вот это другое дело! В воскресенье будь на железнодорожном вокзале. К тебе подойдет русский. Еще один «воспитанник» детского дома. Зовут его Андрей. Будешь говорить с ним. Он передаст тебе инструкции и, если хорошо будешь вести себя, то и письмо от твоей возлюбленной. Все! В воскресенье, на вокзале. Проследи, чтобы люди, прибывшие к тебе, свободно удалились.

Трубка замолчала.

Казбек притянул для вынужденного объятия одного кавказца. Затем другого. Проводил их словами:

— Валите отсюда, да будьте вы прокляты, шакалы паршивые...

Горцы лишь улыбнулись в ответ, они видели направленный на них ствол автомата сержанта. Сели в машину, развернулись, и скоро ее красные габаритные огни растворились в темноте.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Заместитель командира N-ской войсковой части, представляющей собой объединенные военные склады, майор Игорь Шевцов стоял на ступенях контрольно-пропускного пункта, курил и решал непростую для себя задачу. Время службы закончилось, склады опечатали и сдали под охрану караулу батальона охраны, на часах было 19.10. А задача перед майором стояла следующая: стоило ли ему идти домой в городок и попытаться помириться с женой, Надей, с которой у них вот уже неделю, после последней бурной пьянки Шевцова, вовсю полыхала молчаливая холодная война. Иначе отношения в семье назвать было сложно. Это было крайне неприятно для обоих, но разрешимо лишь в том случае, если один из «противников» уступил бы. А вот уступить ни Игорь, ни Надя не любили. Характеры у обоих упрямые, компромиссов не допускающие. Стоит одному сложить оружие, как он неминуемо попадет под каблук другого. А Игорю не хотелось, чтобы в доме главенствовала жена. Но и продолжаться так дальше не могло! Что же это за жизнь такая? Вроде муж с женой, в одной квартире, а как неродные, хуже того, как равнодушные друг к другу соседи по коммуналке. Попытаться если не уступить, то хоть смягчить обстановку? Но вот вопрос: как это сделать? Вот и думал заместитель командира части, что ему предпринять. Пойти ли домой или плюнуть на все, пустив конфликт на самотек? А самому отправиться в

ближайшее кафе и заглушить думы парой лобастых стаканов водки? Спиртное его состояние улучшит. Временно. А дальше что? Домой-то все равно идти?

В общем, и выпить невыносимо хотелось, и делать этого, пока еще трезво рассуждая, не следовало бы. Вот дилемма, мать ее! Нажраться по новой и наехать на жену? А что это даст? Скандал? Да и скандала не будет, Надя просто уйдет из дома, ломай потом по пьянке голову куда. Мысли же точно поведут его черт-те куда, а следом за мыслями и самого майора. В итоге засветится он в очередной раз, а жене все надоест к черту, и рванет она к маме! Чтобы проучить его, или, еще лучше, возьмет и подаст на развод. Легко! С ее характером это вполне возможно, а Шевцов любил свою жену и расставание с ней, даже на короткий срок, воспринимал болезненно, а уж о разводе и думать не хотел. Не на этом ли играет благоверная? Вынуждая его сдаться? Как это в песне поется: «Главней всего погода в доме, а все остальное поправить можно». А погода эта у него, надо признать, была хреновая, в пору штормовое предупреждение объявлять! Что в песне поется, правильно, остальное все фуфло, кроме погоды, и исправить положение можно одной фразой извинения. Ну и вдогонку с обещанием подзавязать со спиртным! И все! В доме погода успокоится сразу, но только в нем он больше не хозяин, потом появятся другие претензии, и так до бесконечности, пока майор полностью не потеряет в своей же семье право голоса! Надежда не упустит шанса полностью подчинить себе мужа. А какой он тогда мужик, если не сможет с ребятами в сауне ночь провести? Или тыщонку под интерес расписать? НИКАКОЙ! Следовательно, надо ломать Надю, а это даже теоретически бесполезно! Вот такие дела! Никакого просвета. И подсказать некому! Неизвестно, сколько стоял бы на КПП майор Шевцов, попавший в непростой житейский тупик, если бы на дороге, ведущей от военного городка, не показалась небольшая автомобильная колонна, следующая в часть. Почему именно в часть? Потому что дальше ей

просто некуда было следовать. Дорога вела в тупик, прямо к центральным воротам контрольно-пропускного пункта!

— Ну вот, еще не лучше! Несет нелегкая кого-то на ночь глядя! — проговорил майор. — Не дай бог, со срочным распоряжением о загрузке. Тогда и пьянка накрылась, а о погоде в доме и говорить нечего!

Автомобили между тем подошли к части. Из переднего «КамАЗа» выпрыгнул офицер в камуфлированной форме. Игорь узнал его сразу же, и лицо майора расплылось в улыбке. Неожиданное появление этого капитана, прыгающей, легкой походкой направляющегося к Шевцову, обрадовало майора.

— Антон! Мать твою! — воскликнул Швецов, стараясь изобразить на физиономии раздражение.

Но это было настолько показным, что только человек, не посвященный в отношения офицеров, мог поверить в эту игру. Да и то, пожалуй, с трудом. Майор продолжал:

— Какого черта тебя принесло на склады в это время? Люди отслужили свое, домой собрались, а тут на тебе, получай колонну!

После утомительного марша капитан — начальник колонны — с удовольствием потянулся, спросив:

— Ты чем-то недоволен, майор? Так вали домой, кто тебя держит? На базу я и без тебя зайду, а грузиться мне с утра. Где переночевать, сам знаешь, для меня не проблема. Так что лично ты мне не нужен. А литрушку «московской» я и в одиночку свободно могу на грудь принять. Ты меня знаешь! Предрассудки, типа «один не пью», меня не касаются. Иди, Игорек, иди! Дежурного по вашим долбаным складам я и сам найду. Не в первый раз, — в тон майору ответил капитан Сергей Антонов.

Или Антон, как все и всегда, насколько он себя помнил, его называли — командир роты одного из отдельных автомобильных батальонов, задействованных в транспортировке различных грузов для воюющих войск Объединенной группировки в Чечне.

Эти склады капитан Антонов посещал как минимум раз в месяц, а командир части, майор Гена Воробьев, был какое-то время даже его подчиненным. По первому месту службы обоих офицеров на Тамбовщине, в учебном батальоне. Прежде чем старший лейтенант Антонов пошел на повышение и его назначили исполняющим обязанности командира учебной роты, в которой служил и Воробей — тоже старший лейтенант Воробьев Геннадий Владимирович. Правда, Сергей командовал ротой всего месяц с небольшим. Строптивный характер и пристрастие к спиртному не дали карьере офицера продолжиться, и они с Геной поменялись ролями. Тот на роте удержался и вскоре был отправлен сюда, на эти склады, командиром, должность по штату подполковничью. Ну а Антонов, доблестно откомандовав четыре года взводным, пятый год тянул на роте. И улучшения в служебном положении в ближайшем времени не ожидал. С тех лейтенантских пор Сергей и Гена продолжали поддерживать между собой дружеские отношения. К ним примкнул и заместитель Воробьева, Игорь Шевцов. Капитан Антонов на этих складах считался своим человеком для всех.

— Ну что застыл, Игорь? Иди к Наде! Только Генку предупреди, что я здесь, пусть приходит, посидим! Иди, иди, ты же домой собирался? Да и жена зажда-лась поди?

Шевцов сплюнул на асфальт.

— Ага! Ждет не дождется!

— Что такое? — спросил капитан. — Поругались, что ли?

Ответить Игорь не успел, к ним подошел дежурный по КПП прапорщик:

— Товарищ майор, разрешите обратиться, прапорщик Елисеев!

— Ну?

— Дежурный по части только что звонил, интересуется, что за колонна и какие будут насчет нее указания.

Заместитель командира части спросил:

— У кого интересуется?

— У вас!

— Откуда же он знает, что я на КПП?

— Я сказал.

Майор смачно выругался, обратился к прапорщику:

— Вот долбизм! Ну какие могут быть указания? Естественно, пропустить технику в парк, накормить личный состав и разместить его на отдых. — Затем спросил: — Кто заступил дежурным?

— Лейтенант Агеев, товарищ майор!

— Из молодых? В первый раз?

— Так точно!

Шевцов махнул рукой:

— Ладно, если в первый. Но ему передай, что все инструкции по обязанностям дежурного, в том числе и правила допуска посторонних лиц в часть, у него перед пультом висят. Пусть череп свой немного поднимет и внимательно прочитает. А тебе, Елисеев, технику не проверять, свои ребята пришли, свяжешься с дежурным по парку, передашь личный приказ командира разместить колонну у новых боксов. Ясно?

— Так точно!

— Выполняй!

— Есть, товарищ майор!

Заместитель командира части вздохнул, обращаясь к Антону:

— Видал, какие кадры приходят служить? Дежурный по части только что из института! И какой чудак на букву «м» придумал эти переименования? Понаделали не пойми что, воздушно-десантный институт, танковый университет! Лихо, да? Чисто, понимаешь, по-русски! Главное, понятно! Раньше как-то не доходило, военное училище, что это за заведение? Чем-то на ПТУ походит, там тоже училище! Вот и понеслась очередная дурость!

Антонов резонно, без доли шутки, заметил:

— Э, нет, Игорь, это не дурость! В институтах да

университетах штаты другие, «папах» да лампасов побольше, да и оклады, соответственно, выше. Но и черт с ними, нам там не быть! Ты чего на наряд-то сорвался?

— А то, что позаканчивают таких вот институтов офицеры, потом задают глупые вопросы: «Что делать с колонной?» Да расстреляй ее на хрен! Неужели этому лейтенанту самому не ясно, что надо делать? Да и инструкция перед носом, где для самых неврубающих все по полочкам разложено. Сделай это, потом это... Нет, он, блин, будет вопросы задавать.

Начальник прибывшей колонны заметил:

— Сам, что ли, молодым не был? Вспомни! Лейтенант, может, прогнуться перед тобой хотел?

— Для этого тоже надо знать, в какую сторону гнуться, а то можно и в позу «мама мыла пол» попасть, на вздрючку.

— Ладно, завязывай! Нервный ты какой-то, Игорь, произошло что?

— Ты про Надьку спросил, ждет, мол, поди? Я тебе ответил, как она ждет!

— Понятней можешь изъясняться? Если, конечно, считаешь это нужным, я ни на чем не настаиваю!

Шевцов махнул рукой:

— Да чего тут объяснять? Ни черта она не ждет. Тоже заноза еще та. Видит же, в каких условиях приходится работать, по три-четыре колонны в день отправляем, столько же принимаем, а все одно пилит.

— Но не за работу же?

Антонов хорошо знал супругу Шевцова.

— Не за работу, не спорю, за пьянку! Ну, подумаешь, нажрался на той неделе с получателями из десантуры! Дебош устроил дома?! Но это она утверждает, я-то сам ничего не помню. Но хоть бы и так! Мне что, расслабиться нельзя? Могла бы и понять, а она, куда там, по живому пилит!

— Моя тоже пилила, пока пила не сломалась!

— Ты другое дело! А мне обидно!

— Все с тобой понятно! Ты давай, Игорек, Гену вызови, а сам дуй домой, улаживай конфликт!

Шевцов уперся:

— Обойдется! Пусть знает, что у меня тоже характер, да и обмыть твой приезд надо. По лезвию ножа ходим мы тут все, ты в первую очередь, кто знает, увидимся еще вместе?

— Не каркай, каркуша!

— А что, не так?

— Да так, но учти, не помиришься с женой, дальше хуже будет!

Майор не сдавался:

— Ну и хрен с ней! Ты в гостинку иди, там, по-моему, как раз Мари дежурит, а я вызову командира. Пока душ там какой примешь, с Мари добазаришься, переоденешься, мы и подкатим. Да не забыть бы о закуске, зайду в столовую, возьму чего-нибудь!

Антонов успокоил товарища:

— О закуске не волнуйся, у меня же сухой паек с собой трехсуточный!

— Так, значит, далеко собрался?

Капитан ушел от прямо поставленного вопроса, переведя разговор в другое русло:

— Не близко! А насчет жены... Хотя это не мое дело, но пока мы трезвые, я тебе скажу вот что. Я вот разошелся, ты знаешь. Да, одному, казалось бы, жить легче. Сам себе хозяин, куда хочешь идешь, что хочешь делаешь, бухаешь, баб снимаешь, короче, свобода полная! Но есть, Игорек, во всей этой «прелести» одно «НО». Вся твоя свобода непременно сопровождается одиночеством, и это, поверь моему опыту, страшно. И от одиночества этого проклятого никуда не уйти. Ты никому не нужен! И себе тоже! Ну, разве бляди, на ночь! Только ласки их приторны, неестественны. И они не скрашивают одиночества, а, наоборот, усиливают его этой безразличной услужливостью. Одиночество, Игорьь, это как снайпер, взявший тебя на прицел. Уже не отпустит! Один путь от пустоты, в которой ты оказываешься, — пьянка. Но чем больше

водка затягивает тебя в свои сети, тем страшнее становится жить, протрезвев! Поверь, я знаю, что говорю.

Шевцов был искренне удивлен таким неожиданным монологом друга, которого все, кто знал, привыкли считать разгильдяем, пофигистом, весельчаком и... отчаянным, умелым, грамотным офицером. Кому завидовали многие мужики, скованные узами брака! А выходит, вон оно как? Глубоко же умел прятать и хорошо маскировать истинные чувства Сергей! И это было открытием по крайней мере для майора Шевцова.

— Антон! И это мне говоришь ты? Вот уж не ожидал услышать от тебя подобное! Я считал, что тебя вполне устраивает та жизнь, которую ты ведешь.

— Одно дело, что я говорю, другое, о чем думаю, и третье, особое, что бы хотел изменить. А изменил я бы многое, но уже поздно, и перемен не произойдет, все меня запомнят тем Антоном, которым привыкли видеть, — бесшабашным, независимым, свободным в словах и поступках. Но закончим об этом! Вызывай Гену, решай сам, куда идти, а то мы с тобой так до утра здесь зависнем, а мне с шести часов загрузка, и еще Мари не забудь, она спать не даст, это как пить дать. Короче, я в гостинице. Не придешь, не обижусь, пойму.

Офицеры разошлись.

Марина, или Мари, дежурная по гостинице, — разведенная, оттого, может, и такая разбитная, еще относительно молодая женщина, густо размалеванная всевозможной косметикой, — увидев Сергея, расплылась в улыбке. Ее глаза ожили, оторвавшись от какого-то чтива на столе.

— Сережа? Дорогой! Ты ли это?

— Не узнала?

— Как не узнать! Только сколько лет, сколько зим?

— Ну ты не преувеличивай, какие лета? В прошлом месяце и виделись.

С намеком на что-то тайное, глубоко интимное, кокетливо наклонив головку набок, так, чтобы ее ши-

карные светлые волосы легли на плечо, выставляя на-показ их красоту, женщина спросила:

— Ты надолго к нам?

— Как обычно, Мари! Всего одна ночь.

— Обидно, но что же поделаться, на безрыбье, как говорится, и ночь совсем неплохо. Возьмем обычный номер с душем?

— Обязательно, и с широкой кроватью. Надеюсь, постоянного хахаля ты себе не завела еще? Старых друзей привечаешь?

Женщина успокоила капитана:

— Не волнуйся, Сережа! И не завела никого, и все очень хорошо помню. Особенно грозовую ночь. Это был кайф необыкновенный, оргазм в момент удара молнии в дерево за окном, такое разве забудешь? Нет, такое, милый, не забывается!

Сергей шутливо упрекнул даму:

— Мари, ну зачем же так откровенно? Поскромнее надо быть!

— Поскромнее? — переспросила Марина.

Глаза женщины вдруг сделались печальными, и отчего произошло это изменение, капитан не понял.

— Хорошо, Сережа, буду для тебя пай-девочкой.

— Вот и договорились! Мы тут с ребятами немного посидим, а потом я буду ждать тебя, Марина.

Женщина спросила:

— Скажи одно, Антон, только без обиды, я для тебя как обычная проститутка? Утеха на ночь? Только правду, твой ответ в любом случае ничего не изменит, а? Антон!

Офицер думал недолго:

— Нет, не как проститутка, мне...

— Не объясняй ничего и иди! Все, что надо, я узнала!

— Только, Марин, косметику свою дурацкую смой к черту, ну что ты как вождь краснокожих намалева-лась?

— Наконец-то кто-то заметил! До тебя никто на это никакого внимания не обращал, ты обратил!

Сергей спросил:

— Это так важно?

— Для меня да. Тебе этого не понять! Но все, Се-режа, тебе действительно пора, разговорились мы не в меру.

Сергей вздохнул:

— А у меня сегодня вечер какой-то странный получается, то с Игорем о его проблемах рассуждали, теперь вот с тобой по душам поговорили.

— Игорь сам виноват, что так у него в семье происходит! Надя женщина порядочная, хотя и властная, она лидер, но и Шевцов лидер. Только не хочет или не может он понять, что для Надежды лидерство в доме, в хозяйстве. Ему бы уступить ей! Жаль будет, если расстанутся. Майор хоть мужик и крепкий, но водка его погубит, и быстро. Не успеет Надя вернуться, как сопьется он. Хоть ты подскажи ему! Тебя здесь все уважают, Игорь тоже. Может, прислушается?

Антонов пожал плечами:

— Я попытаюсь, Марина. До встречи, пошел я.

— До встречи! — тихо проговорила Мари, печально и как-то тоскливо глядя вслед человеку, которого любила. Давно и по-своему, но любила!

Антонов прошел в угловой номер, который обычно использовался при прибытии в часть представителей командования. В нем были все удобства. Люкс, одним словом. Конечно, в армейском понимании этого слова. После того как он принял душ и переоделся в легкий спортивный костюм, капитан начал накрывать на стол. Хотя «накрывать» было сильно сказано, но все же на столе, рядом с обязательным атрибутом всех гостиниц — графином с тремя стаканами на подносе, появились две бутылки водки «Столичной» московского розлива, привезенные одним прапорщиком из отпуска. Банка тушенки, неизменная часть офицерского застолья, икра баклажанная и купленный по пути хлеб.

Сергей закурил и тут же услышал шаги по коридору пустой гостиницы.

В номер вошли майоры Шевцов и Воробьев. С последним, командиром части, Антонов обнялся. Геннадий, вытаскивая из пакета домашние соленья, спросил:

— Антон! У вас в батальоне, кроме тебя, в командировки ездит кто?

— К чему такой интерес?

— Да к нам только ты один от ваших и заглядываешь. А основные поставки в Чечню осуществляются отсюда, вот и спросил, у вас там что, штат кадрированный, что ли?

Сергей объяснил:

— Штат полный, а вот в рейсы посылать действительно некого. Командир второй роты в академию прыгнул, вместо него сейчас пришел капитан, но он в части всего несколько недель. Хоть и свой парень, сразу видно, не то что был до него папенькин сынок, но рановато еще привлекать его к автономным маршам. Третий ротный желтуху подцепил, и как только умудрился? Ведь осторожничал сверх всякой меры, не поверишь, арбуз, перед тем как резать, кипяченой водой поливал.

Офицеры складов очень удивились:

— Это-то зачем?

— Вот и я его спрашивал, зачем ты его поливаешь? Или собираешься вместе с коркой сожрать? Отвечал: «Береженого бог бережет!» Вот и сберег! Свалился как сноп! Из взводных толковых было двое. Одного, Мишу Карпенко, подстрелили недавно. Он с гуманитаркой в аул какой-то пошел. Им сахар, муку сбросил, а ему взамен снайпер пулю прислал. Прямо там, в центре селения, при раздаче. Хорошо, пуля через правое легкое навывлет прошла, все же из винтовки били. Поправится, говорят врачи, но в госпитале проваляется долго. Второй, Коля Болдин, в отпуске. Остальные — молодняк, типа вашего дежурного по части. Ребята хорошие, базара нет, но для рейсов глубинных совершенно не подготовлены. А так, на малом «плече» ходят в Чечню, стажируются. Вот и получается, что при-

ходится нам с Казбеком Дудашевым пахать и за себя, и за того парня, но лично я не против такого расклада. В батальоне от уставщины и скуки помрешь! Уставщину начальник штаба ввел, прохода не дает никому, а от скуки выжрешь, так тебя тут же за хобот и на ковер! Нет, по мне, лучше я в Чехню, чем постоянно в части отираться, ерундой, типа строевых смотров да занятий, которые ничему не учат, заниматься! Кстати, Игорек, будь другом, позвони в подразделение, где моих разместили, прапорщика пригласи.

Шевцов проворчал:

— Казбек в своей стихии. Обязательно приглашать нужно!

Антонов возразил:

— Ошибаешься, Игорь. Прапорщик — человек такта. Может, у нас какой разговор особый? Так что это не каприз, а правильное понимание сути субординации.

— Ладно! Все вроде готово, — осмотрел стол Воробьев, — ну ты чего, Игорь, стоишь? Иди позвони в казарму, Казбека вызови, да начнем!

Шевцов вышел, позвонил, и вскоре вся компания была в сборе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Командир предложил тост:

— Ну что, мужики? За встречу? И за удачу? Она никому и нигде еще не мешала, здесь тем более. В Чечне удача — это жизнь! Так за нее, за удачу?

Выпили, молча закусили.

Шевцов неожиданно налил по второй.

— Куда коней гонишь, Игорь? — спросил Антон.

— Домой надо! Решил идти сдаваться! Подумал, подумал, Антона послушал, решил, чего упираться бараном? Хрен с ней, пусть главенствует! Все одно, кому-то пришлось бы уступить. Уступлю я! Поэтому засиживаться долго, сами понимаете, не могу. Как третью за ребят погибших дернем, свалю я, мужики. Думаю, в обиде не будете?

Его поддержал обычно молчавший в компании Казбек:

— Молодец, Игорь, по-мужски поступаешь, клянись! Женщину уважать надо и уступать ей, женщина в себе жизнь несет, род наш в муках продолжает. Правильно решил, поэтому хочу свой тост сказать.

— Давай, Казбек!

Старший прапорщик поднялся:

— Выпьем за матерей наших, жен, сестер, дочерей, за всех женщин, которых мы любим и кто нам дорог. За тех, кто любит нас и ждет, когда мы вернемся!

— Хороший тост, Казбек, — офицеры выпили по второй.

Закурили, сразу заполнив номер плотной дымовой завесой.

Сергей встал, подошел к окну, открыл его. В помещение хлынула приятная вечерняя прохлада, сопровождаемая неумолкаемым звоном цикад. Деревя, что сгорело в ту памятную ночь, о которой вспомнила Марина, под окном не было, и от этого почему-то стало грустно. Вдали раскинулись горы, окутанные черными облаками, на темном фоне покрывшегося звездами неба.

— Красиво здесь у вас и тихо! Не то что наша степь выжженная. Если бы не эта проклятая война, какой здесь отдых можно было бы организовать! Санатории построить, трассы лыжные оборудовать. А рыбалка? В горных реках, в той же Унже, на перекатах, форели и хариуса валом! Приезжали бы люди, радовались, отдыхали, лечились. Нет, кому-то понадобилось разжечь пламя войны! Козлы! А все власть, деньги, личные шкурные интересы. Твари! Удавил бы лично, покажи мне хоть одного, кто виноват в этой бойне бессмысленной!

Гневную речь друга перебил Воробьев:

— Слишком высоко они сидят, Антон, те, кого ты удавить собрался! Не подберешься! И не будем об этом. Чего зря говорить? Садись за стол. Выпьем по третьей. А то Игорек места уже себе не находит.

Сергей вернулся к столу.

Подняли рюмки за тех, кто пал в этой непонятной, ненужной, жестокой войне.

Каждый вспомнил тех, кого при жизни знал лично. И таких знакомых, товарищей, друзей у каждого оказалось немало.

Выпили молча, стоя. Постояв немного, выдерживая паузу молчания в знак памяти, сели.

Будь проклята эта война! Эта и все другие, а с ними прокляты и те, кто развязывает их!

После недолгого, но сурового молчания Шевцов набросил на плечи китель:

— Ну, пошел я, мужики?

Сергей напутствовал майора:

— Давай, Игорек! И потактичней, потактичней! Цветов с розария сорви. Извинись. В общем, улаживай дела. Удачи тебе, и привет Наде, лично от меня!

— Обязательно передам, Серег! Спасибо за компанию, и до утра!

— Подожди, Игорь, — встал и Казбек, — если капитан Антонов не против, я тоже пойду. Устал что-то, прилягу, отдохну. Разрешишь, командир? Да и вам с майором Воробьевым, чувствую, поговорить есть о чем.

Антонов не был против просьбы подчиненного:

— Как хочешь, Казбек. На посошок выпьешь?

— Нет! Достаточно. Ты же знаешь, я много не пью.

— Тогда отдыхай, Казбек! Здесь же, в гостинице, номер возьмешь?

— Нет. К личному составу пойду. Их поутру, в 5.00, и подниму!

Капитан и в этом согласился с прапорщиком:

— Хорошо! Я тоже часам к шести подойду, к погрузке.

— Спокойной ночи!

— Спокойной!

Дудашев с Шевцовым вышли. Тема разговора сразу сменилась.

— Чем грузиться будешь, Антон? — спросил Гена.

— А всем понемногу. Два «наливника» солярой залить надо, четыре «КамАЗа» под боеприпасы. Там в наряде указано, я сам мельком смотрел, от цинков с патронами для стрелкового оружия, мин различных, до 220-миллиметровых реактивных снарядов для «урагана». Да три «ЗИЛа» под различное барахло вещевого довольствия с продовольствием.

Воробьев прикинул:

— Девять машин, значит?

— Под груз девять! Десятая — мастерская технического замыкания МТО-АТ Казбека.

Командир части покачал головой:

— Хреновый набор на тебя вешают, Антон!

— Да какая разница?

— Какая, спрашиваешь? Большая, друг мой! За последние месяцы на такие вот смешанные малочисленные колонны шесть налетов было. Три боевики разнесли в пыль, остальные захватили. И машины, и груз, и людей. Потом долго на дороги головы отрезанные солдат наших бросали, для устрашения! Мне особист наш статистику постоянно доводит.

Сергей спросил:

— А сколько всего таких вот колонн за этот период от вас уходило?

— Восемнадцать!

— Прошли, следовательно, двенадцать?

— Да! Но из этих двенадцати бой принимали семь. Прикидываешь?

Антонов выразил удивление:

— Как же они уцелели?

— Кто своими силами отбил, кого поддержали.

Капитан вновь задал вопрос:

— Сейчас что за обстановка?

Воробьев ответил на вопрос друга. Из него следовало, что сейчас, по данным разведки, в районе Кармахи одноглазый Бекмураз лютует. Его банду сначала осенью прижали основательно, это когда спецназ ГРУ в работу вступил, ввалил боевикам по самые яйца, но не добил. Рассеялись остатки банды по ущельям, хро-

нам, пещерам. А тут и перевалы снегом закрылись, наземные войска отвели, работала только авиация, и то выборочно, для профилактики скорее. Вот и удалось Бекмуразу сохранить ядро банды. К весне, когда «зеленка» появилась, вновь одноглазый своих в стаи собрал. Есть предположение, что и поддержку получил в наемниках. Только тактику сменил, или задачу ему руководство сепаратистов такую поставило. Если раньше объектами его охоты были блокпосты да комендатуры в небольших населенных пунктах, то сейчас он работает чисто по автомобильным колоннам, используя отряд группами, перекрывая дороги, мосты, переправы, все, где могут перемещаться колонны. Те начинают наблюдение и определяют место засады. А уж на захват выходит сам одноглазый со своей основной группировкой, численность которой точно пока не установлена. Но, судя по действиям, имея не менее сотни штыков, он выходит непосредственно на колонну. И нападает выборочно, вот что настораживает!

Антонов вновь задал вопрос:

— Что значит выборочно?

— Пусты колонну с бетонными плитами — в худшем случае обстреляют, но скорее пропустят. А вот где боеприпасы, оружие, на тех наваливаются всеми силами. Причем внешне-то колонны ничем не отличаются, груз под тентом, со стороны не видно, что внутри.

Капитан задумался:

— Отсюда, Гена, вывод один. Кто-то со складов твоих сливает информацию этому циклопу.

— Скажу между нами, командование пришло к тому же выводу, и сейчас с частью плотно и скрытно работают представители одной из спецслужб. Даже я не посвящен в их действия. Но работают!

Антонов разлил водку по стаканам, проговорил:

— Если работают, то «крота» или «кротов» найдут! Одного, второго, третьего, если таковые существуют, но если Бекмураз платит хорошие деньги, то появятся

и четвертый, и пятый. У тебя же половина личного состава гражданские?

— Меньше, но хватает!

Сергей кивнул, резонно предполагая:

— А их можно подкупить, взять шантажом, запугать. Утечка информации в любом случае будет продолжаться! Нужно Бека с его абреками мочить! Иначе получится обычная мышьяная возня. Толку от которой не будет никакого!

Воробьев вздохнул:

— Да я-то понимаю это, но не мне же выступать против него?

— Вот то-то и оно! Вся наша беда в том и состоит, что это мое дело, а вот это не мое! Это моя зона ответственности, а рядом не моя, и что там происходит, извини, меня ни разу не дерет! А бандиты этим пользуются! Да что об этом говорить? У МВД свои задачи, у ФСБ с ГРУ свои, у армии — третьи! Вот и получается, как у Крылова: «лебедь, рак и щука». Что бы ни говорили, о чем бы ни лепетали по «ящику» наши лампы, ЭТА война нужна многим: и в верхах государственной власти, и экстремистам, и больше всего нашим новым друзьям из-за «бугра». Только цели у всех разные! Если первых интересуют бабки, вторых бабки и статус непримиримых защитников чистого ислама, то третьим — дальнейшее наше ослабление как государства. А в общем, триединая задача у них общая! Как можно дольше затянуть эту бойню. Мы с тобой не в счет, мы пешки, которыми жертвуют не глядя!

Воробьев возразил капитану:

— Ну я не стал бы так категорично заявлять, Антон.

— Заявляй, не заявляй, а факты налицо! И любой мало-мальски думающий человек все это понимает. Государство с его мощным карательным аппаратом и не может подавить локальный мятеж на своей территории, где оно вправе применять любые средства для наведения порядка? Глупость! Ты прикинь, сколько у нас различных подразделений специального назначе-

ния? Не обычных общевойсковых частей, имеющих стратегические задачи, далекие от борьбы с терроризмом. А все эти хваленые, именные? Они же сейчас сведены в целые соединения! Они обучены и имеют полученный только за последние годы богатейший боевой опыт. Да при желании они заняли бы каждый метр Чечни только по своей численности. Все тропы перекрыли бы, в каждом ауле могли бы разместиться. Но не перекрывают? Не занимают? Не размещаются? Согласен, может, я немного и утрирую, но в общем-то так оно и есть?

Антонов встал из-за стола, закурив, продолжил:

— Ты считал, сколько войск стянуто в Чечню? Нет? А я как-то, «на губе» сидя за очередное свое гусарство, по карте на развороте книги одного нашего героя-военачальника посчитал, все одно делать было нечего. И у меня получилось, что не меньше семи армейских корпусов только федеральных войск. А еще внутренние войска, авиация, дальняя артиллерия, спецназы ФСБ, погранслужба! А сколько бандформирований, по численности, противостоит этой машине? На порядки меньше. И без авиации, боевой техники, крупнокалиберной артиллерии! И на горы и поддержку местного населения боевиков ссылаться нечего! Нет желания навести порядок, о котором я говорил тебе в самом начале! А почему нет желания? Потому что война выгодна обеим сторонам, ты понимаешь, кого я имею в виду! Откуда у чеченов современное оружие? «Винторезы», «валы», «бизоны»? И все, заметь, наше родное, российское оружие!

Майор проговорил:

— Ты меня спрашиваешь?

— Нет, но откуда оно попадает к тем же Бекмурам, Грекам, Бекам, Шамилям? Откуда столько боеприпасов, что они сдерживают федералов на протяжении стольких лет? Откуда бабки, чтобы платить наемникам? Откуда возможность залечивать свои раны за рубежом, если все кругом перекрыто? Откуда поток свежих сил наемников? Глянь на карту, везде войска,

а бандиты спокойно воюют да еще перед камерами телерепортеров косоротятся: как, мол, мы вас имеем, долбеной? Слов нет, чтобы выразить все, что вот тут в груди накипело! Сил нет смотреть на этот узаконенный беспредел! Собрать бы этих долбанных штабистов и думаков геморройных из центра и сюда их, умников кабинетных. Воевать! Не могу больше, выпьем, Ген!

Офицеры выпили по сто пятьдесят грамм.

Майор обратился к Антонову:

— Вот это лучше! Не заводись! Давай прекратим этот бесполезный базар! Об этом весь народ России говорит, а толку? Как имели нас, так и продолжают иметь эти предательские партийные морды. Сам видишь! Лучше обсудим, как тебе миновать засады Бекмураза.

Капитан отмахнулся:

— Да пошел он на хер, этот циклоп! Буду я на него время тратить! Наливай по последней! И я лучше с Мари займусь.

— Успеешь, да и времени у нас это займет немного!

— Обсуждать после водки ничего не будем, ты только скажи, сколько охраны мне дашь?

— Для твоей колонны две БМП-2 с экипажами.

Сергей спросил:

— Обстрелянных?

На что Воробьев раздраженно ответил:

— Откуда их взять, обстрелянных-то? В боях не участвовали, но подготовку, приближенную к боевой, прошли в полном объеме, и поверь, не дачи строили, а занимались делом!

Сергей спросил:

— Командиром у них кто?

— Лейтенант Соколов!

— Тоже из молодняка?

Воробьев только развел руками.

— Понятно! Бойцы никакие, лейтенант — учебник, а вот две боевые машины со скорострельными пушками — это неплохо, очень даже неплохо!

— Чем, как говорится, могу!

Антонов предложил:

— Давай, Гена, добьем остатки и разойдемся. Пошло оно все к черту! Сегодня ночью в номере будет властвовать Любовь! Марина уже заждалась, наверное. А заставлять женщин ждать — самое последнее дело.

— Это точно! Насчет этого она...

Сергей перебил командира части:

— А вот этого не надо, Гена! Не надо, хорошо?

— Да я ничего и не хотел такого сказать.

— Вот и не говори. Пьем, и разбежались!

Выпили по последней. Воробьев ушел, и через полчаса, закрыв гостиницу, в номер к Антонову вошла Марина. Сергей был уже в постели, и женщина, сбросив с себя одежду, истосковавшись по его сильному телу, бросилась к нему, горячо и отрывисто в крайнем возбуждении шепча:

— Сережа, Сереженька... — отдавая всю себя во власть страсти и наслаждения.

Сергей стиснул ее, дрожащую от нетерпения. И война отступила от него, и не было этой ночью, кроме неистовой любви, ничего, что могло бы как-то отвлечь, помешать, омрачить сладость долгожданной близости. Пусть на несколько часов, но Любовь победила войну, выбросив в окно, как ненужный хлам, даже мысли о ней!

Полностью удовлетворив свои желания, опустошенные, расслабленные, Сергей и Марина лежали рядом друг с другом.

Капитан закурил.

— Скажи, Марин, только не обижайся, ладно?

— Что ты хочешь узнать? Спрашивай, Сережа, ничего не скрою.

— У тебя вот так, как со мной, часто происходит?

Женщина ответила, не задумываясь:

— Как с тобой, ни с кем и никогда!

— Я не об этом. Ты с мужиками в постель часто валишься?

Женщина спросила в свою очередь:

— А ты готов поверить в то, что я тебе отвечу?

— Скажи правду, поверю!

— Ну а если правду, то не часто. Тебе подсчитать, скольких я имела партнеров?

— Не надо!

Сергею был отчего-то неприятен ответ Марины, хотя сам он просил сказать правду и ни на что другое не рассчитывал.

— Почему ты замолчал, Сережа? Тебе стало неприятно?

— Да.

— Seriously?

— Seriously!

Марина положила голову на его волосатую грудь.

— Я же женщина, Сережа, не монашка, мне жить хочется! Как всем! Вот ты сказал при встрече, в фойе, чтобы я вела себя поскромнее. А зачем? Для чего? Я такая, как есть, нравится это кому или нет, без разницы. Другой уже не буду, если, конечно, такой гусар, как ты, за собой не позовет. Но, увы, гусар не позовет, а значит, все останется по-прежнему. Ты не подумай, я ни на что не намекаю, просто пять лет, с момента приезда сюда, скромничала, угождала подонку Кислицину, своему мужу, во всем! И, заметь, Сережа, верной ему была, я умела быть верной, странно, да? Хотя предложений со стороны, сам понимаешь, хватало с избытком. Но я же замужняя женщина, как можно? А Кислицин, мразь, на меня смотреть не хотел. Так и говорил: «Хорошая ты баба, Марина, но не стоит у меня на тебя». Представляешь? Каково это слышать двадцатилетней женщине? Что я, урод какой или истаскана до предела? Спали в разных углах. Я уж начинала подумывать, а не импотент ли мой муженек? Оказалось, нет, не импотент! У него, как потом выяснилось, настоящая любовь на стороне была. С полной сексуальной гармонией! Ты понял?

В голосе Марины звучала незаслуженная обида, но она продолжала:

— А была, я разобралась, потому что любовь эта